

*ОСИПОВ Никита Александрович, аспирант
кафедры истории России Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина.
Автор 14 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1020-7542>

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ УКРАИНИЗАЦИИ В 1920–1930-е годы НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНЫХ ОКРУГОВ УССР И КУБАНСКОГО ОКРУГА СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ РСФСР

Национальная политика 1920–1930-х годов, реализуемая в Украинской Советской Социалистической Республике (УССР), привела к важнейшим изменениям в области культуры и просвещения. Однако данная политика не всегда сопровождалась успехами на территории УССР и некоторых регионов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), где также проводилась. Примером могут служить юго-восточные округа УССР и Кубанский округ Северо-Кавказского края РСФСР. В связи с этим целью научного исследования является сравнительный анализ содержания, направлений и результатов политики украинизации в юго-восточных округах УССР и Кубанском округе Северо-Кавказского края РСФСР. В ходе работы была изучена историография политики украинизации в целом: статьи, монографии современных российских и украинских ученых, а также периодическая печать УССР за 1925–1933 годы. На основе полученных данных сделан вывод, что, несмотря на высокие темпы украинизации и значительные успехи в области данной политики, в указанных регионах фактически она проводилась путем административного давления, что вызывало негативное отношение к подобного рода этно-культурным преобразованиям на местах, в частности в некоторых округах Юго-Востока УССР, а также в Кубанском округе Северо-Кавказского края РСФСР, в котором население по своему языку и самосознанию сильно отличалось от украинского этноса. В Кубанском округе ни местное население, ни местные власти не были заинтересованы в данной политике, поэтому темпы украинизации оставались низкими, а механизмы ее проведения не имели достаточной эффективности даже по сравнению с Юго-Востоком УССР, что в результате способствовало окончательному вхождению населения Юга РСФСР в состав российской нации.

Ключевые слова: украинизация, национальная политика, Одесса, Северо-Кавказский край, сельское население, городское население.

*Адрес: 196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское ш., д. 10; e-mail: osipov090996@mail.ru

Для цитирования: Осипов Н.А. Сравнительный анализ политики украинизации в 1920–1930-е годы на территории юго-восточных округов УССР и Кубанского округа Северо-Кавказского края РСФСР // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 5. С. 5–15. DOI: 10.37482/2687-1505-V291

Зачастую приходится наблюдать, как в современной геополитической обстановке национальная политика проводится без учета интересов населения, проживающего на территории, которая входит в зону различных этнокультурных преобразований. В связи с этим считаем целесообразным показать, как осуществлялась национальная политика в истории прошлого столетия нашей государственности. Одним из таких примеров является политика коренизации, обладавшая как положительными сторонами, так и недостатками в определенных ее направлениях.

В 1920-е годы в Советском Союзе была разработана и воплощалась на практике новая национальная политика, которая реализовывалась в отношении различных коренных народов, а также этнических меньшинств. Данная политика была направлена на усиление их позиций в политической и культурной сферах на той или иной территории. Одним из ее проявлений стало образование национальных административно-территориальных единиц.

Украинизация 1920–1930-х годов на территории УССР и некоторых регионов РСФСР в рамках национального строительства Союза Советских Социалистических Республик (СССР) выражалась в продвижении и внедрении элементов украинского языка и культуры в различные сферы жизни общества. Это привело к своего рода «культурной революции» в области использования языка в государственных учреждениях, учреждениях просвещения и культуры, что сказалось на постсоветском будущем Украины. Однако не во всех регионах такая политика нашла отклик. Примером может служить территория исторического региона Новороссия, которая, как и Северо-Западный Кавказ, была присоединена к России в конце XVIII века. Оба региона являлись по своей сути мультикультурными, в особенности на момент начала XX века. В рамках этого исследования возникает следующий вопрос: «Целесообразно ли было проводить политику внедрения украинского языка в тех регионах, где славянское население нельзя однозначно отнести к укра-

инскому этносу, который также не является большинством на территории, попавшей в “зону” проведения политики украинизации?».

Отсутствие ответа на данный вопрос позволяет говорить об актуальности исследуемой темы. Для ее раскрытия предлагается сравнить содержание, направления и результаты политики украинизации в округах Юго-Востока УССР и Кубанском округе Северо-Кавказского края РСФСР (т. к. именно на этих территориях нельзя говорить о подавляющем большинстве носителей украинского национального самосознания). Поскольку этот вопрос слабо освещался в научных работах, мы можем утверждать, что данная статья обладает новизной.

Для достижения поставленной цели предлагается использовать историко-сравнительный метод, сопоставительный анализ, а также принцип аналогии и метод синхронизации, чтобы лучше понять причины и результаты политики украинизации в разных географических регионах.

В советских публикациях 1920–1930-х годов украинизация преимущественно рассматривалась как неотъемлемая составляющая государственной политики СССР, одновременно с тем считалась частью культурной революции, которая совместно с коллективизацией и индустриализацией гарантировала победу социализма на Украине к середине 1930-х годов. В качестве примера стоит отметить такие работы, как «Пролетаріат і практичне розгортання національно-культурного будівництва» (1930) А.А. Хвыли [1], «Національна проблема на Україні» (1926) В.П. Затонского [2], «Идеологическая борьба в национальном вопросе» С.М. Диманштейна [3] и др.

С конца 1930-х и до середины 1950-х годов на работы, посвященные украинизации, существенное влияние оказывала критика «буржуазного национализма», однако ситуация изменилась после XX съезда Коммунистической партии Советского Союза в 1956 году в связи с началом хрущевской оттепели, ознаменовавшей следующий историографический период. Так, если в двухтомной «Истории Украинской ССР», вышедшей в середине 1950-х годов, о политике украинизации не говорилось вообще и даже

термины «украинизация» и «коренизация» не встречались, то в издании 1967 года в текст был включен новый материал о создании в 1923–1925 годах национальных административно-территориальных единиц, о VII конференции Коммунистической партии (большевиков) Украины и др.

Публикации после 1956 года в основном были нацелены на изучение руководящей и направляющей роли коммунистической партии в культурном строительстве – например, Б.М. Бабий рассмотрел основные законодательные акты по украинизации государственного аппарата, мероприятия по обеспечению прав национальных меньшинств [4].

С окончанием оттепели идеологические барьеры повысились, и проблемы украинизации в 1970–1980-х годах в исторической литературе более не затрагивались.

На рубеже 1980–1990-х годов после снятия многочисленных запретов на изучение этой темы и с открытием архивов проблема украинизации стала набирать популярность в научно-исследовательской сфере.

В 1990-е годы было опубликовано большое количество статей, посвященных данному вопросу, однако стоит отметить работу, вышедшую в свет в 2003 году. Усилиями экспертов Института истории Украины был проведен обобщающий анализ. Книга получила название «Украинизация 1920–30-х годов: предпосылки, приобретения, уроки», в ней крайне детально, с привлечением статистических сведений рассматривается политика украинизации в разных сферах жизни – партийных и муниципальных организациях, системе просвещения, науке, периодических изданиях, армии и др. [5].

Недостаток украинской историографии 1990-х годов заключается в том, что украинские историки изучают данный феномен как политику в области культуры, никак не затрагивая ее экономические и общественные аспекты, в особенности внешнеполитический фактор.

Среди российских историков большим проблемным блоком, стремительно разрабатывавшимся в минувшие года, считается исследование взаимного влияния двух основ-

ных внутривосточных факторов: политики большевистского центра и «украинского национализма». Проблема степени зрелости украинского национального движения рассматривается по-разному. Часть исследователей (например, И.В. Михутина) считает, что вплоть до революции носителей национальной мысли было немного и развитию украинского самосознания поспособствовала советская власть, реализовавшая национально-территориальные постулаты дореволюционного украинского движения [6, с. 25–29].

Стоит отметить, что в настоящее время тема украинизации 1920–1930-х годов среди российских историков весьма востребована. Издаются статьи, монографии, книги, защищаются кандидатские диссертации. В качестве примера можно привести труды Е.Ю. Борисёнок. Она принадлежит к тем исследователям, которые подчеркивают, что украинизация в первую очередь была популярна в среде украинской интеллигенции, а советское правительство в лице Сталина использовало ее исключительно как инструмент борьбы за власть и ее укрепления. Автор проделала большую работу, благодаря которой мы видим статистические данные украинизации в таких сферах, как армия, кинематограф, театр, радио, литература, просвещение и государственное управление [7].

В связи с современной геополитической обстановкой особенно актуальным становится изучение целесообразности проведения политики украинизации на территории Юго-Востока УССР, а также Северо-Кавказского края РСФСР.

Первыми обобщающими научными трудами по истории Северного Причерноморья УССР (тогда еще Новороссии) можно считать «Первое тридцатилетие истории города Одессы 1793–1823» (1837) и «Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730–1823» (1836) А.А. Скальковского [8; 9].

Основные работы по украинизации Северо-Кавказского края стали выходить с середины 1990-х годов. Первые исследователи темы, такие как М.В. Мирук [10], О.В. Бершадская [11],

А.В. Баранов [12; 13], выпускали статьи общего содержания. Научное изучение вопроса национальной политики в СССР осуществила Е.Ю. Борисёнок [14], однако она не затрагивала Северо-Кавказский регион [15].

На XII съезде Российской коммунистической партии (большевиков) (РКП(б)) 17–25 апреля 1923 года были обсуждены вопросы о характере суверенности республик в составе СССР и политике коренизации, которая на территории УССР и отдельных регионов РСФСР (Северный Кавказ, Центральное Черноземье и т. д.) приобретает форму украинизации. Таким образом, официально начало проведения украинизации можно отсчитывать с этого момента¹.

С 1923 года в УССР начали на практике воплощаться принципы коренизации в политической и культурной сферах. Результаты во многом были связаны с этническим составом населения. Так, перепись 1926 года зафиксировала, что на территории УССР проживало 29 млн чел., из которых 80,1 % составляли украинцы, 9,2 % – русские, а 5,4 % – евреи [16, с. 63]. Также она подтвердила специфику распределения городского и сельского населения по этническому признаку: украинское население макрорегиона имело преимущественно крестьянское происхождение. Доля украинцев в таких городах, как Днепрпетровск и Харьков, составляла около 35–38 %. В целом же только 10,9 % украинского населения проживало в городах, а 89,1 % – в сельской местности. В то же время аналогичные показатели для русского населения составляли 50,2 и 49,8 % соответственно, а еврейского – 74,4 и 22,6 % [16, с. 65].

Политика украинизации в первую очередь касалась области просвещения и образования. Например, доля слушателей украинской национальности в Коммунистическом университете им. Артема в г. Харькове выросла с 1923/1924 по 1926/1927 учебный год с 31 до 53,2 %. Что касается преподавательского состава, то коли-

чество украинцев выросло с 27,6 до 34,8 %. Стационарные школы политграмоты были украинизованы на 60,7 %, а выездные – на 74,3 % [2, с. 27].

Если рассматривать ситуацию по юго-восточным регионам УССР более детально, то можно отметить, что в Артемовском округе украинцев было 72,7 %, среди них 46,9 % учеников трудовых школ, в Луганском – 51,8 и 20,4 %, в Сталинском – 53,4 и 35,5 % соответственно. В городах ситуация была несколько иной: в Днепрпетровске украинцев всего – 36 %, среди них 11,5 % учеников трудовых школ, в г. Сталино – 26,1 и 1,0 %, в Мариуполе – 32,9 и 5,2 %, в Николаеве – 29,8 и 15,2 % соответственно [17].

Необычное явление наблюдалось в украинских индустриальных вузах. Из-за того, что украинской профессуры катастрофически не хватало, украинизация происходила очень медленно или не происходила вообще, хотя доля украинцев среди студентов увеличивалась, например, в 1923/1924 учебном году в списках поступивших в институты она составляла 43,7 %, а в 1928/1929 учебном году – 62,8 %, в техникумах – 48,8 и 64,0 % соответственно [18, с. 50].

Национальный состав студенчества на 1929 год выглядел следующим образом: в Харьковском политехническом институте украинцев было 37 %, в Одесском институте народного образования – 41 %, Институте народного образования – 50 % [19, с. 87].

Одним из интересных аспектов проведения политики украинизации является реакция со стороны промышленных работников на территории юго-восточных округов УССР. Так, например, во время командировки в Луганск одним из работников комсомола был отмечен случай, который произошел на шахте № 5–9. На вопрос: «Сколько украинцев они имеют в своем окружении?» работники шахты отвечали: «Пять». А на вопрос: «На каком языке вы разговариваете дома?» ответ был таким: «На каком? Хохляцком!». Тогда работник комсомола спрашивал: «Сколько всего так называемых

¹12-й съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года: стенограф. отчет. М.: Госполитиздат, 1968. 904 с.

хохлов среди работников шахты?»), на что получал ответ: «Все» [18, с. 53].

Данная ситуация говорит о том, что большинство населения на указанных территориях имело расплывчатое самосознание и не отождествляло себя с украинским этносом.

Также работники Донбасса проявляли достаточно низкий энтузиазм в отношении украинизации партийной школы. Так, число лекций на украинском языке составляло 51 % на первом курсе и 34 % – на втором. В библиотеки за первый семестр поступило 29,5 % книг на украинском языке, когда на русском – 70,5 % [1, с. 38].

Пассивное отношение к достижению успехов в области политики украинизации также проявляли служащие г. Артемовска, что было зафиксировано проверкой, в результате которой 287 чел. получили первую категорию знания украинского языка, 495 – вторую, 267 – третью, 839, т. е. 39,5 %, – не прошли проверку. В целом в округе было 8323 служащих, из которых проверку не прошли 44,25 %, а это почти половина! Если рассматривать украинизацию учреждений, которые непосредственно работали с крестьянами и рабочими, то проверку не прошли больше половины служащих, т. е. 58,5 % [1, с. 38].

В Сталинском округе ситуация обстояла примерно так же. Среди специалистов, занимающихся украинизацией, только 6 % знали украинский язык при том, что всего в округе украинское население составляло 53 %, а среди служащих кооперации в количестве 1169 чел. украинский язык знали только 6 %, среди канцелярских работников – 48 % [1, с. 43].

Случаи противодействия политике украинизации встречались в различных городах УССР. Так, в Краматорске заведующий тарифно-экономическим подотделом заводууправления Т. Файнберг заявлял: «Нам нет надобности изучать украинский язык, потому что при социализме все языки сольются в один» [20, с. 125].

Стоит также отметить неудовлетворительные темпы в области образования среди промышленных работников. Доля лекций, докладов, разговоров, переведенных на украинский язык с 1928 по 1931 год, увеличилась в обществе ме-

таллистов с 4,4 до 14,0 %, химиков – с 6,8 до 18,5 %, типографов – с 8,4 до 32,6 %, железнодорожников – с 26,9 до 47 % [20, с. 126].

Подавляющее большинство работников всеукраинского и низового профаппарата использовало русский в своей работе. Есть много всесоюзных учебных комбинатов, профсоветов, фабрично-заводских местных комитетов, которые даже номинально не украинизировались [20, с. 127]. Это свидетельствует о формальном отношении значительной части работников профаппарата к украинизации и национальной политике партии в целом. Украинизация административно-хозяйственного аппарата велась неудовлетворительно. Распоряжения, указы и отчеты составлялись на русском языке [20, с. 128].

В ответ на негативное отношение к политике украинизации в ряде регионов Совет народных комиссаров (СНК) УССР выпустил постановление от 29 августа 1924 года «О выделении национальных районов и советов», которое определяло Донбасс как регион с многонациональным составом населения [21, с. 94–95]. Например, Луганский округ был разделен на районы. К украинским относились – Славяносербский, Каменнобродский, Новосветловский, Успенский, Ровеньковский, Дмитриевский. К русским – Сорокинский (71,9 % русских), Петровский (75,8 %), Станично-Луганский (89,0 %), а также с. Алчевск, г. Луганск, с. Лозовая Павловка и г. Красный Луч [22, с. 173]. Всего из 9 районов УССР, которые определялись как русские по преобладающему населению и не подлежали обязательной украинизации, три находились в Луганском округе [21].

Среди рассматриваемых регионов также интересно отметить Юг УССР. Например, в г. Одесса процессы были достаточно схожи с теми, которые происходили на Донбассе.

Так, многие бывшие лидеры общероссийских политических партий занимали должности в профессорско-преподавательском составе вузов Одессы. По данным органов Государственного политического управления, именно эта часть населения проявляла наибольшее неприятие в от-

ношении политики украинизации. В Одесском сельскохозяйственном институте профессура с 1923 года активно противодействовала данному процессу [23].

В Одесском институте народного образования в 1925 году всего лишь 16 % преподавателей осуществляли обучение на украинском языке, хотя было принято считать данный вуз одним из ведущих. Некоторые педагоги активно выступали против украинизации, похожая ситуация складывалась в Одесском политехническом институте, Одесском институте народного хозяйства, Одесском медицинском институте и др. [24].

Враждебное отношение местного интернационального населения Юго-Востока УССР к сторонникам идеи украинизации возникало по причине того, что она проводилась сверху, при помощи административного аппарата [24].

Во многих учебных заведениях Одессы студенты и профессора стали игнорировать данный процесс. Так, в Одесском художественном институте на момент 1926 года лекции на украинском языке не велись, а в Одесском вечернем рабочем техникуме вплоть до этого времени не было и попыток его внедрения [19, с. 87].

Из 56 школ Одессы только 18 были украинизированы целиком и 8 – частично. Родители часто препятствовали внедрению украинского языка, о чем свидетельствует наплыв учеников в русские классы [24].

На юге УССР на украинский язык были переведены театры, клубы, музеи, периодические издания, что вызывало негативную реакцию в среде интеллигенции. К 1930 году в Одессе осталась только одна крупная газета на русском языке.

В 1925–1928 годах в ходе оценки успехов политики украинизации среди чиновников в государственных учреждениях был проведен экзамен. В него входила проверка знания не только украинского языка, но и украинской истории и литературы.

В конце 1920-х годов ситуация значительно улучшилась в связи с тем, что постепенно украинизировались низшие звенья образования, состоялся массовый выпуск украиноязычных учеников средней школы и студенчество в

большинстве вузов также стало украиноязычным. Почти во всех учебных заведениях руководство отмечало, что оно украинизируется быстрее, чем профессора. В Одессе доля студентов-украинцев к 1929 году составляла около 30 % от общего количества [5, с. 92–93, 96].

Проверка одесских школ в 1924 году показала, что украинский язык знают во всех учреждениях среднего образования, однако в заведениях высшего образования им владели только около 11 % работников [25].

В большие города УССР хлынул значительный поток из украинских сел, что привело к изменению национального состава городского пролетариата. К концу 1920-х годов доля украинцев в нем составляла 28 % [1, с. 47].

Что касается Кубанского округа Северо-Кавказского края, то до 1927 года успехи украинизации были ничтожны, однако в 1928–1929 годах началась вторая волна. В начале октября 1928 года вышло постановление Президиума Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета о необходимости усиления проведения политики украинизации в районах, где преобладает украиноязычное население, имелся в виду перевод делопроизводства в сельских и станичных советах на национальный язык [26].

Согласно Всесоюзной переписи, на конец 1926 года украинцев в Кубанском округе насчитывалось 915 тыс. чел., а русских – 497 тыс. чел. На Кубани были как активные сторонники украинизации, так и ее противники, существовали и те, кто настаивал на необходимости проведения не украинизации, а кубанизации [27]. Однако стоит упомянуть, что перепись 1926 года на территории Советского Союза проводилась методом опроса, хотя допускалось и самосчисление, национальность устанавливалась путем анкетирования: опрашиваемому задавали вопросы о народности и родном языке. На территории Северо-Кавказского края РСФСР ситуация была несколько иной, чем в УССР. В связи с задачей советского руководства – «удовлетворять» национально-настроенные элементы – в тот период кубанцы причислялись к украинцам чисто номинально, их диалектные особенности

говора и самосознание были в значительной степени далеки от украинского.

Население края реагировало на политику украинизации неоднозначно. В с. Отрадо-Ольгинском председатель украинской секции Армавирского окружного комитета РКП(б) отмечал противостояние между украинским и русским итelligence на момент мая 1925 года [13].

В пяти станицах и на одном хуторе при посредничестве Кубанского окружного отдела народного образования в 1927 году был проведен опрос, согласно которому 351 чел. высказывался за образование на украинском, а 350 чел. – на русском языке, выступавших за изучение обоих языков и не определившихся было 44 и 40 % соответственно. В основном поддерживали образование на украинском языке казаки и зажиточные слои населения [13].

Партийные органы осторожнее проводили политику украинизации. А.А. Лысогор, председатель Кубанской окружной украинской партийной секции, отмечал проявления как русского, так и украинского шовинизма, а также считал, что категорически не стоит ставить вопрос о принуждении русских партработников к отказу от русского языка, необходимо знание обоих [13].

Согласно плану партийного и советского аппарата управления от декабря 1928 года, в 37 сельских районах нужно было провести переподготовку местных советских работников и милиционеров, перевести делопроизводство на украинский язык [15, с. 89].

Летом 1932 года уже 1609 учащихся школ 1-й ступени перешли на украинский язык. В этих школах учились 221 453 чел. [28].

Несмотря на то, что план украинизации Северо-Кавказского края был принят в 1929 году, уже в 1930-м местные власти отмечали, что сроки были фактически сорваны [29]. Большинство учителей, имевших опыт украинизации в школах УССР, уезжали на родину в связи с тем, что не видели карьерных и финансовых перспектив [30].

В феврале 1932 года Краевая комиссия, несмотря на определенные положительные

результаты в Брюховецком, Старо-Минском, Кушевском, Азовском районах, отмечала неудовлетворительную работу в области украинизации других районов, по числу ключевых направлений выделялась перестройка аппаратов профсоюзов для обслуживания украинского населения на его родном языке [29].

Однако вскоре Центральный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) (ЦК ВКП(б)) и Совет народных комиссаров СССР инициировали сворачивание украинизации в Северо-Кавказском крае. На основании телеграммы ЦК ВКП(б) 20 декабря 1932 года на заседании бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) было принято решение о приостановлении данной политики. Основанием послужило то, что украинизация ряда районов Северного Кавказа не вытекала из культурных интересов населения. К 1 января 1933 года все делопроизводство также переводилось на русский язык [30].

Таким образом, результаты научного исследования позволяют сделать следующие выводы. Население юго-восточных округов УССР было мультикультурным, однако преобладало славянское, в частности русские и украинцы. Стоит подчеркнуть, что украинская национальная идея была слабо распространена среди тех, кто номинально причислялся к украинцам, что видно по высказываниям некоторых представителей исследуемых регионов, не отождествлявших себя с украинским этносом. В результате в районах с преобладанием такого населения политика украинизации, проводившаяся при помощи административного аппарата, давала некоторые положительные результаты, однако в целом закончилась провалом, т. к. большинство населения осталось русскоязычным и его доля даже увеличилась в последующие годы.

Что касается Кубанского округа Северо-Кавказского края РСФСР, то ситуация здесь была примерно такой же, как в вышеуказанных регионах. Однако хочется заметить, что кубанцы еще в меньшей степени относились к украинскому этносу и причислялись к нему только для того, чтобы удовлетворить интересы дореволюционной и советской элит УССР,

которые настаивали на реализации украинской национальной идеи. Мультикультурность, нежелание местных властей проводить украинизацию, слабый отклик на такого рода политику среди обычного населения предопределили полный провал политики украинизации на территории этого региона СССР.

В целом же советское правительство проводило правильную национальную политику и после сворачивания украинизации в 1933 году не «настаивало» на тотальной украинизации, в частности Юго-Востока УССР, что может служить образцом для современной национальной политики.

Список литературы

1. *Хвиля А.* Пролетаріат і практичне розгортання національно-культурного будівництва // *Більшовик України*. 1930. № 13-14. С. 38–56.
2. *Затонський В.П.* Матеріали до українського національного питання // *Більшовик України*. 1927. № 6. С. 9–33.
3. *Диманштейн С.М.* Идеологическая борьба в национальном вопросе // *Революция и национальности*. 1930. № 3. С. 3–20.
4. *Бабій Б.М.* Українська радянська держава в період відбудови народного господарства (1921–1925 рр.). Київ: Вид-во АН УРСР, 1961. 384 с.
5. *Даниленко В.М., Верменич Я.В., Бондарчук П.М., Гриневич Л.В., Ковальчук О.А., Масненко В.В., Чумак В.М.* Українізація 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки: колективна монографія / за ред. В.А. Смолія. Київ: Інститут історії України НАН України, 2003. 392 с.
6. *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М.: [б.и.], 2003. 287 с.
7. *Борисёнок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М.: Европа, 2006. 256 с.
8. *Скальковский А.А.* Первое тридцатилетие истории города Одессы 1793–1823. Одесса: Гор. тип., 1837. 296 с.
9. *Скальковский А.А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730–1823. Ч. 1. Одесса: Гор. тип., 1836. 288 с.
10. *Мируж М.В.* Кубанское казачество и украинизация Кубани: опыт и уроки (1921–1932 гг.) // *Кубанское казачество: три века исторического пути: материалы междунар. науч.-практ. конф. (ст. Полтавская, 23–27 сентября 1996 г.)*. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1996. С. 172–175.
11. *Бершадская О.В.* Осуществление политики украинизации на Кубани в период 1925–1932 гг. // *Вторые Кубанские литературно-исторические чтения*. Краснодар: Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств, 2000. С. 121–125.
12. *Баранов А.В.* География расселения казачества на Юге России в 1920-х гг. // *Уч. зап. Донск. юрид. ин-та*. 2001. Т. 16. С. 123–135.
13. *Баранов А.В.* Украинизация в Северо-Кавказском крае РСФСР (1923–1932): Замыслы, реакция общества, результаты // *Наследие веков*. 2021. № 3(27). С. 31–42. DOI: [10.36343/SB.2021.27.3.002](https://doi.org/10.36343/SB.2021.27.3.002)
14. *Борисёнок Е.Ю.* А.В. Луначарский и «кубанский язык»: интриги советской украинизации 1920-х годов // *Славян. мир в третьем тысячелетии*. 2020. Т. 15, № 3–4. С. 37–52. DOI: [10.31168/2412-6446.2020.15.3-4.03](https://doi.org/10.31168/2412-6446.2020.15.3-4.03)
15. *Васильев И.Ю.* Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX – начало XXI века). М.: ИП Бурина А.В. («Традиция»), 2014. 336 с.
16. *Мінаєв С.В.* До основних підсумків поголового перепису населення України // *Більшовик України*. 1928. № 15-16. С. 51–83.
17. *Полоцький О.* Загальне навчання та ліквідація неписьменності // *Більшовик України*. 1928. № 18. С. 59–76.
18. *Голуб Ф.* ЛКСМ в національно-культурному будівництві // *Більшовик України*. 1929. № 7-8. С. 49–61.
19. *Волков В.* Стан вузів України // *Більшовик України*. 1929. № 17-18. С. 80–98.
20. *Потапчик М.* Робітницька кляса України в національно-культурному будівництві // *Більшовик України*. 1932. № 5-6. С. 123–134.
21. *Федоровский Ю.Р.* Первая советская украинизация Луганщины // *Культур. ландшафт регионов*. 2020. Т. 2, № 1. С. 90–108.
22. *Бельдюгин В.А., Пробейголова С.В., Федоровский Ю.Р.* История Отечества: курс лекций. Луганск: ЛНУ им. В. Даля, 2017. 288 с.

23. Савченко В. Проблемы первой компании коренизации и украинизации на Юге УССР (1923–1930 гг.) // Журн. рос. и восточноевроп. ист. исслед. 2014. № 1(5). С. 15–23.
24. Мануїлова К.В. Рефлексії одеських освітян євреїв, росіян та українців на політику українізації у 1920-х – 1930-х роках (на матеріалах держархіву Одеської області) // Історичний архів. Наукові студії: зб. наук. пр. Миколаїв: ЧДУ ім. Петра Могили, 2010. Вип. 5. С. 23–27.
25. Скрипник М.О. Нариси підсумків українізації та обслуговування культурних потреб нацменшостей УСРР, зокрема російської. Промова на засіданні колегії НКО УСРР з 14.11.1933. Харків: Радянська школа, 1933. 36 с.
26. Акоюн В.З. Политика украинизации на Ставрополье в 1920–1930-е годы. Замыслы, осуществление, итоги // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер.: История. Междунар. отношения. 2015. Т. 15, № 2. С. 48–56.
27. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 663 с.
28. Алдакимова О.В. Украинизация школьного образования на Кубани в период с 1921 по 1932 гг.: дис. ... канд. пед. наук. Сочи, 2004. 216 с.
29. Сивков С.М. К вопросу об украинизации на Кубани в период с 1917 по 1922 гг. // Украинцы Юга России: проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: материалы Междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 246–250.
30. Скорик А.П., Бондарев В.А. Украинизация на Юге России как национально-политическая кампания: осуществление и ликвидация (1920-е – нач. 1930-х гг.) // История в подробностях. 2013. № 10(40). С. 62–71.

References

1. Khvilya A. Proletariat i praktichne rozgortannya natsional'no-kul'turnogo budivnitstva [The Proletariat and the Practical Development of Nation and Culture Building]. *Bil'shovik Ukraini*, 1930, no. 13-14, pp. 38–56.
2. Zaton's'kiy V.P. Materiali do ukraїns'kogo natsional'nogo pitannya [Materials on the Ukrainian National Question]. *Bil'shovik Ukraini*, 1927, no. 6, pp. 9–33.
3. Dimanshteyn S.M. Ideologicheskaya bor'ba v natsional'nom voprose [Ideological Struggle in the National Question]. *Revolutsiya i natsional'nosti*, 1930, no. 3, pp. 3–20.
4. Babiy B.M. *Ukraińs'ka radyans'ka derzhava v period vidbudovi narodnogo gospodarstva (1921–1925 rr.)* [Ukrainian Soviet State During the Reconstruction of National Economy (1921–1925)]. Kyiv, 1961. 384 p.
5. Danilenko V.M., Vermenich Ya.V., Bondarchuk P.M., Grinevich L.V., Koval'chuk O.A., Masnenko V.V., Chumak V.M. *Ukraińizatsiya 1920–30-kh rokov: peredumovi, zdobutki, uroki* [Ukrainization of the 1920s – 1930s: Prerequisites, Achievements, Lessons]. Kyiv, 2003. 392 p.
6. Mikhutina I.V. *Ukraińskiy vopros v Rossii (konets XIX – nachalo XX veka)* [Ukrainian Question in Russia (Late 19th – Early 20th Centuries)]. Moscow, 2003. 287 p.
7. Borisenok E.Yu. *Fenomen sovetskoy ukraińizatsii. 1920–1930-e gody* [The Phenomenon of Soviet Ukrainization. 1920–1930s]. Moscow, 2006. 256 p.
8. Skal'kovskiy A.A. *Pervoe tridtsatiletie istorii goroda Odessa 1793–1823* [The First Thirty Years of the History of the City of Odessa, 1793–1823]. Odessa, 1837. 296 p.
9. Skal'kovskiy A.A. *Khronologicheskoe obozrenie istorii Novorossiyskogo kraja. 1730–1823* [Chronological Overview of the History of Novorossiya. 1730–1823]. Pt. 1. Odessa, 1836. 288 p.
10. Miruk M.V. *Kubanskoe kazachestvo i ukraińizatsiya Kubani: opyt i uroki (1921–1932 gg.)* [Kuban Cossacks and Ukrainization of Kuban: Experience and Lessons (1921–1932)]. *Kubanskoe kazachestvo: tri veka istoricheskogo puti* [Kuban Cossacks: Three Centuries of the Historical Path]. Krasnodar, 1996, pp. 172–175.
11. Bershads'kaya O.V. *Osushchestvlenie politiki ukraińizatsii na Kubani v period 1925–1932 gg.* [Implementation of the Ukrainization Policy in Kuban in 1925–1932]. *Vtorye Kubanskіe literaturno-istoricheskie chteniya* [Second Kuban Literary and Historical Readings]. Krasnodar, 2000, pp. 121–125.
12. Baranov A.V. *Geografiya rasseleniya kazachestva na Yuge Rossii v 1920-kh gg.* [Geography of Resettlement of Cossacks in South Russia in the 1920s]. *Uchenye zapiski Donskogo yuridicheskogo instituta*, 2001, vol. 16, pp. 123–135.
13. Baranov A.V. *Ukrainization in North Caucasus Krai of the RSFSR (1923–1932): Plans, Public Reaction, Results. Nasledie vekov*, 2021, no. 3, pp. 31–42 (in Russ.). DOI: [10.36343/SB.2021.27.3.002](https://doi.org/10.36343/SB.2021.27.3.002)

14. Borisenok E.Yu. A.V. Lunacharskiy i “kubanskiy yazyk”: intrigi sovetsoy ukrainizatsii 1920-kh godov [Anatoly V. Lunacharsky and “Kuban Language”: Intrigues of Soviet Ukrainisation of the 1920s]. *Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii*, 2020, vol. 15, no. 3–4, pp. 37–52. DOI: [10.31168/2412-6446.2020.15.3-4.03](https://doi.org/10.31168/2412-6446.2020.15.3-4.03)
15. Vasil'ev I.Yu. *Ukrainskiy natsionalizm, ukrainizatsiya i ukrainskoe kul'turnoe dvizhenie na Kubani (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI veka)* [Ukrainian Nationalism, Ukrainization and the Ukrainian Cultural Movement in Kuban (Second Half of the 19th – Early 21st Centuries)]. Moscow, 2014. 336 p.
16. Minaev S.V. Do osnovnikh pidsumkiv pogolovnoogo perepisu naselennya Ukraïni [On the Main Results of the National Census in Ukraine]. *Bil'shovik Ukraïni*, 1928, no. 15-16, pp. 51–83.
17. Polots'kiy O. Zagal'ne navchannya ta likvidatsiya nepis'mennosti [General Education and Elimination of Illiteracy]. *Bil'shovik Ukraïni*, 1928, no. 18, pp. 59–76.
18. Golub F. LKSM v natsional'no-kul'turnomu budivnitstvi [Leninist Young Communist League in Nation and Culture Building]. *Bil'shovik Ukraïni*, 1929, no. 7-8, pp. 49–61.
19. Volkov V. Stan vuziv Ukraïni [The State of Higher Education Institutions in Ukraine]. *Bil'shovik Ukraïni*, 1929, no. 17-18, pp. 80–98.
20. Potapchik M. Robitnits'ka klyasa Ukraïni v natsional'no-kul'turnomu budivnitstvi [The Working Class of Ukraine in Nation and Culture Building]. *Bil'shovik Ukraïni*, 1932, no. 5-6, pp. 123–134.
21. Fedorovsky Ju.R. The First Soviet Ukrainization of the Lugansk Region. *Cult. Landsc. Reg.*, 2020, vol. 2, no. 1, pp. 90–108 (in Russ.).
22. Bel'dyugin V.A., Probeygolova S.V., Fedorovskiy Yu.R. *Istoriya Otechestva* [The History of Fatherland]. Lugansk, 2017. 288 p.
23. Savchenko V. Problemy pervoy kompanii korenizatsii i ukrainizatsii na Yuge USSR (1923–1930 gg.) [Problems of the First Indigenization and Ukrainization Campaign in the South of the Ukrainian SSR (1923–1930)]. *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy*, 2014, no. 1, pp. 15–23.
24. Manuilova K.V. Refleksii odes'kikh osvityan evreïv, rosiyan ta ukrainiv na politiku ukrainizatsii u 1920-kh – 1930-kh rokakh (na materialakh derzharkhivu Odes'koï oblasti) [Reflections of Jewish, Russian and Ukrainian Educators of Odessa on the Policy of Ukrainization During the 1920s – 1930s (Based on the Materials of the State Archive of the Odessa Region)]. *Istorichniy arkhiv. Naukovi studii* [Historical Archive. Scholarly Works]. Mykolaiv, 2010. Iss. 5, pp. 23–27.
25. Skripnik M.O. *Narisi pidsumkiv ukrainizatsii ta obslugovuvannya kul'turnikh potreb natsmenschostey USRR, zokrema rosiys'koï. Promova na zasidanni kolegii NKO USRR z 14.11.1933* [Essays on the Results of Ukrainization and Addressing the Cultural Needs of the National Minorities of the UkSSR, in Particular, Russian. Speech at the Meeting of the Collegium of the People's Commissariat for Education of the UkSSR on 14 November 1933]. Kharkiv, 1933. 36 p.
26. Akopyan V.Z. Politika ukrainizatsii na Stavropol'e v 1920–1930-e gody. Zamysly, osushchestvlenie, itogi [The Ukrainization Policy of the Stavropol Territory in the 1920–1930s. Plans, Implementation, Results]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, vol. 15, no. 2, pp. 48–56.
27. Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Cornell University Press, 2001. 528 p. (Russ. ed.: Martin T. *Imperiya “polozhitel'noy deyatelnosti”. Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939*. Moscow, 2011. 663 p.).
28. Aldakimova O.V. *Ukrainizatsiya shkol'nogo obrazovaniya na Kubani v period s 1921 po 1932 gg.* [Ukrainization of School Education in Kuban in the Period from 1921 to 1932: Diss.]. Sochi, 2004. 216 p.
29. Sivkov S.M. K voprosu ob ukrainizatsii na Kubani v period s 1917 po 1922 gg. [On the Question of Ukrainization of Kuban in the Period from 1917 to 1922]. Matishov G.G. (ed.). *Ukraintsy Yuga Rossii: problemy istorii, kul'tury, sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Ukrainians of South Russia: Problems of History, Culture and Socio-Economic Development]. Rostov-on-Don, 2013, pp. 246–250.
30. Skorik A.P., Bondarev V.A. Ukrainizatsiya na Yuge Rossii kak natsional'no-politicheskaya kampaniya: osushchestvlenie i likvidatsiya (1920-e – nach. 1930-kh gg.) [Ukrainization in South Russia as a National-Political Campaign: Implementation and Liquidation (1920s – Early 1930s)]. *Istoriya v podrobnostyakh*, 2013, no. 10, pp. 62–71.

DOI: 10.37482/2687-1505-V291

Nikita A. Osipov

Pushkin Leningrad State University;
Peterburgskoe sh. 10, Pushkin, 196605, St. Petersburg, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1020-7542> e-mail: osipov090996@mail.ru

**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE POLICY OF UKRAINIZATION
IN THE 1920s – 1930s IN THE SOUTH-EASTERN AREAS OF THE UKRAINIAN SSR
AND IN THE KUBAN AREA OF THE NORTH CAUCASUS TERRITORY OF THE RSFSR**

The nationality policy that was implemented in the Ukrainian Soviet Socialist Republic (SSR) in the 1920s and 1930s led to major changes in the field of culture and education. However, this policy had not always been successful in the Ukrainian SSR and some other regions of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR), e.g. in the south-eastern areas of the Ukrainian SSR and in the Kuban Area of the North Caucasus Territory of the RSFSR. In this regard, the purpose of the article was to perform a comparative analysis of the content, directions and results of the policy of Ukrainization in the south-eastern areas of the Ukrainian SSR and in the Kuban Area of the North Caucasus Territory. In the course of the research, the author studied the historiography of Ukrainization in general: articles, monographs of modern Russian and Ukrainian scholars, as well as the periodical press published in the Ukrainian SSR between 1925 and 1933. Based on the data obtained, the author concludes that, in spite of the rapid and successful Ukrainization in these regions, it was implemented through administrative pressure, which formed a negative attitude towards this kind of ethno-cultural transformations on the ground, in particular, in some south-eastern areas of the Ukrainian SSR and in the Kuban Area of the North Caucasus Territory of the RSFSR, whose population differed significantly from the Ukrainian ethnic group in terms of language and self-consciousness. In the Kuban Area, neither the local population nor local authorities were interested in this policy, which slowed the process of Ukrainization and made the mechanisms for its implementation rather ineffective, even compared to the south-east of the Ukrainian SSR. As a result, the population in the south of the RSFSR became part of the Russian nation.

Keywords: *Ukrainization, nationality policy, Odessa, North Caucasus Territory, rural population, urban population.*

Поступила 10.01.2023
Принята 20.09.2023
Опубликована 30.10.2023

Received 10 January 2023
Accepted 20 September 2023
Published 30 October 2023

For citation: Osipov N.A. Comparative Analysis of the Policy of Ukrainization in the 1920s – 1930s in the South-Eastern Areas of the Ukrainian SSR and in the Kuban Area of the North Caucasus Territory of the RSFSR. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 5, pp. 5–15. DOI: 10.37482/2687-1505-V291